

Наш архив

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014)

Природа забывчива.
Мир, кажется, еще
более...

9 августа 1859 г. Природа забывчива. Мир, кажется, еще более; стоит человеку только не противиться этому, и забвение окутает его как саван. Это быстрое и неумолимое растяжение всеобщей жизни, которое покрывает, заливает и поглощает отдельные существа, которое стирает нашу жизнь и уничтожает память о нас, убийственно грустно. Родиться, суетиться, исчезнуть – в этом вся эфемерная драма человеческой жизни. Едва ли в нескольких сердцах, а то и не в одном, память о нас пройдет, как волна по воде, как дуновение ветра в воздухе. Если нет ничего бессмертного в нас, то как ничтожна эта жизнь! Как сновидение, которое дрожит и улетает при первом свете зари, всё мое прошедшее, всё мое настоящее распускается во мне и отделяется от моего сознания, когда оно возвращается само на себя. Я чувствую себя тогда пустым и ничего не имеющим, как выздоравливающий, который ничего не помнит. Мои путешествия, мои чтения, мои изучения, мои планы, надежды – исчезли из моего сознания. Это странное состояние. Все мои способности уходят как плащ, который снимаешь, как хризалида бабочки. Я чувствую, что перехожу в другую форму или, скорее, возвращаюсь в первобытное состояние.

Я забываю еще
больше, чем
забываем

Я присутствую при своем раздевании. Я забываю еще больше, чем забываем. Я медленно, живой еще, вхожу в свой гроб. Я испытываю невыразимый мир уни-

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

чтожения и неясную тишину нирваны; я чувствую, как передо мной и во мне течет быстрая река времени, скользят бестелесные тени жизни, и чувствую это с каталептическим спокойствием.

Сверхъестественное должно быть исторически доказано

13 декабря 1859 г. Пятая лекция о «вечной жизни»* (доказательство Евангелия сверхъестественным) также талантлива и красноречива, но оратор не понимает, что сверхъестественное должно быть исторически доказано, если же нет, то он не должен выходить из области веры и вступать в область истории и науки. Он приводит Штрауса, Ренана, Шерера, но он берет только их букву, не дух. Всё тот же картезианский дуализм, отсутствие генетического, исторического, умозрительного и критического смысла. Идея живой эволюции не проникла еще в сознание оратора. С самыми лучшими намерениями быть объективным он остается субъективным, риторичным. Это происходит оттого, что он полемизирует, а не ищет.

Когда нравственность преобладает над рассудочностью, она мешает видеть то, что человек не хочет видеть

Нравственность у Навиля преобладает над рассудочностью и мешает ему видеть то, чего он не хочет видеть; в его метафизике воля первенствует над рассудком и в его личности характер выше ума – всё это последовательно. Вследствие этого он может удержать то, что распатано, но не может побеждать; он консерватор истин или верований, но лишен инициативы и обновления. Он проповедует, но не внушает. Популяризатор, вульгаризатор, апологет, оратор высшего достоинства, он, в сущности, схоластик: он рассуждает точь-в-точь, как в XII веке, и защищает протестантизм, как тогда защищали католичество. Лучший способ доказать недостаточность такой точки зрения состоит в том, чтобы выказать посредством истории, до какой степени стара уже эта точка зрения. Это химера простой и безусловной правды, совершенно в духе католицизма и антиисторична.

Когда язык только система определенных знаков...

Ум Навиля математичен, а предмет его – нравственность; математизировать нравственность – вот его дело. Как только дело касается того, что развивается, изменяется, образовывается, как только приступают к подвижному миру жизни, и особенно жизни духовной, он уже более некомпетентен. Язык для него есть только система определенных знаков: человек, народ, книга – это определенные геометрические фигуры,

* «Вечная жизнь», семь речей, прочитанных в Женеве и Лозанне в 1859–1860 годах; изд. 1861 г.

свойства которых нужно исследовать. Вот еще приложение закона внутренних противоречий, потому что Навиль любит жизнь сердцем, если он ее теоретически не понимает.

Всякая потребность утихает, а всякий порок увеличивается от удовлетворения.

Упрямство – это воля, утверждающая себя

Упрямство – это воля, утверждающая, но не могущая оправдать себя, это настаивание без достаточной, настоящей причины, это упорство самолюбия, подставленное вместо упорства разума или совести.

Странное действие производят на больного жизненные проявления природы

17 апреля 1860 г. Ночные птицы улетели. Мне лучше. Я был в состоянии совершить свою обычную прогулку. Все бутоны распустились, и молоденькие ростки зеленели на всех сучьях. Странное действие производят на больного журчание светлых вод, веселое щебетание птиц, молодая свежесть растений, шумные игры детства! Или, скорее, мне было странно смотреть глазами слабого или умирающего на это проявление жизни и вступать в него. Этот взгляд очень грустен. Чувствуешь себя отрезанным от природы, вне общения с нею, потому что она – вечная сила, радость и здоровье. «Не мешайте живым! – кричит она нам. – Что вы омрачаете мою лазурь вашими горестями? Каждому своя очередь; сторонитесь!» Чтобы придать себе смелости, надо сказать себе: «Нет, полезно показывать миру страдания и умаления, они придают особенный вкус радости беззаботных и служат предупреждением для мыслящих».

Жизнь была дана нам в долг

Жизнь была дана нам в долг, и мы должны показать своим спутникам, как мы употребляем ее до конца. Мы должны показать своим братьям, как должно жить и умирать. Эти первые предупреждения имеют, кроме того, еще и божественную цену. Они позволяют нам заглянуть за кулисы жизни, увидеть ее страшную действительность и неизбежный конец. Они учат нас сочувствию. Они советуют нам пользоваться временем, пока еще светло. Они учат нас благодарности за те блага, которые остаются нам, и смирению по отношению тех даров, которые даны нам. Эти страдания, стало быть, благо, они – призыв свыше, они – удар отцовского хлыста.

Какая хрупкая вещь здоровье

Какая хрупкая вещь здоровье и какая тонкая оболочка защищает нашу жизнь от поглощения извне и от расстройства внутри ее! Дуновение! И лодочка трескается или опрокидывается! Безделица, и всё погублено!

Туча – и всё темно! Жизнь есть тот цветок, который завядает в одно утро и скашивается ударом крыла; это светильник вдовы, который потухает от малейшего дуновения. Чтобы живо ощущать поэзию утренней зари, надо высвободиться из когтей коршуна, называемого болезнью. Вверху и внизу всего – кладбище. Единственная достоверность в этом мире пустых треволнений и бесконечных беспокойств – это смерть и предвестник смерти, разменная монета ее – страдание.

Пока отворачиваешься от беспощадной действительности, трагическая сторона жизни скрывается

Пока отворачиваешься от этой беспощадной действительности, трагическая сторона жизни скрывается, но как только помотришь ей в лицо, то тотчас же восстанавливаются истинные отношения вещей и торжественное опять вступает в жизнь. Ясно видишь, что раньше только играл, дулся, противился, забывал и был неправ.

Умирая, надо отдавать отчет своей жизни

Надо умирать и отдать отчет своей жизни – вот во всей своей простоте великое наставление болезни. Сделай как можно скорее всё то, что тебе надо сделать, приведи себя в порядок, подумай о своем долге, приготовься к отъезду – вот что кричат тебе совесть и разум.

Языки: в немецком – темная глубина бесконечного, во французском – радостная ясность конечного

3 мая 1860 г. Перевел стихами страницу из «Фауста» Гёте, в которой излагается пантеистическое исповедание веры. Мне кажется, что дело идет недурно. Но какая разница между двумя языками в отношении ясности; это растушевка и резец; один изображает усилие, другой обозначает результат действия; один заставляет испытывать нечто неопределенное, пустое, бесформенное, другой – определяющий, утверждающий, рисующий даже неопределенное; один изображает причину, силу, преддверья, из которых выходят предметы, другой – сам предмет. В немецком языке темная глубина бесконечного, во французском – радостная ясность конечного.

Стариться труднее, чем умирать

5 мая 1860 г. Стариться труднее, чем умирать, оттого что один раз целиком отказаться от какого-нибудь блага легче, чем каждый день по мелочам возобновлять жертву им. Переносить спокойно свое увядание и сознательно принимать свое умаление есть более горькая и редкая добродетель, чем презрение смерти. Над преждевременной и трагической смертью есть некоторый ореол, а в возрастающей дряхлости – только долгая печаль. Но рассмотрим это получше: безропотная и религиозная старость представится тогда более трогательной, чем героическая пылкость молодых годов.

Созревание души дороже, чем блеск и избыток сил

Созревание души дороже, чем блеск и избыток сил, и вечное в нас должно воспользоваться тем разрушением, которое производит в нас время. Эта мысль утешает.

Тайная сдержанность мешает высказывать настоящее волнение

22 мая 1860 г. Во мне есть какая-то тайная сдержанность, мешающая мне высказывать мое настоящее волнение, сказать то, что может нравиться, отдаться настоящей минуте, – глупая сдержанность, которую я всегда с грустью замечал в себе. Мое сердце никогда не осмеливается говорить серьезно, стыдясь лести и боясь не найти подходящего оттенка. Я всегда шучу в настоящую минуту, и только когда она прошла, испытываю волнение. Моей непокорной природе противно признавать торжественность настоящей минуты; иронически инстинкт, происходящий от моей застенчивости, всегда заставляет меня легко относиться к тому, чем я обладаю, под предлогом чего-то другого и другого момента. Страх увлечения и недоверие к самому себе преследуют меня даже тогда, когда я растроган и по какой-то непобедимой гордости не могу решиться сказать какой-нибудь минуте: остановись! Реши мою судьбу! Будь высшей минутой! Выделись из однообразного фона вечности и отметь собою единственную точку моей жизни.

Свободное существо, которое отдается самому себе, тем самым отдает себя дьяволу

Свободное существо, которое отдается самому себе, этим же самым отдает себя дьяволу; в нравственном мире нет земли без хозяина, а неопределенные земли принадлежат лукавому.

Душа превращает в психические явления мало определенные впечатления

28 апреля 1861 г. Так же как сновидение по своей природе преобразует события сна, душа превращает в психические явления мало определенные впечатления организма.

Жизнь вызывается внешними явлениями

Неловкое положение тела становится кошмаром, тяжелый грозовой воздух вызывает нравственные страдания. Воображение и сознание, не вследствие механического воздействия и прямой причинности, но по своей природе производят аналогичные действия: они переводят на свой язык и отливают в свою форму то, что приходит к ним извне. Таким образом сновидение может служить медицине и прорицанию. Таким же образом метеорологическое явление вызывает из души страдания, которые она смутно скрывала внутри себя. Жизнь вызывается только внешними явлениями и не производит никогда ничего, кроме самого себя; оригинальность состоит в том, чтобы быстро и ясно реагировать против внешних влияний и давать им нашу индивидуальную форму.

Думать – это значит свое впечатление проявить в своем личном суждении

Думать – это значит сосредоточиться в своем впечатлении, освободить его в себе и проявить его в своем личном суждении. В этом же и облегчение, освобождение и победа над собой.

Всё, что приходит извне, есть вопрос, на который мы должны отвечать

Всё, что приходит извне, есть вопрос, на который мы должны отвечать, давление, которому мы должны противодействовать до тех пор, пока мы живем и хотим оставаться свободными. Развитие нашей бессознательной природы следует по астрономическим законам Птолемея. Оно всё – перемена, цикл, эпицикл и преобразование.

Сущность искусства

25 ноября 1861 г. Искусство есть рельефное выдвигание мыслей природы. Упрощение линии и высвобождение невидимых фигур. Под огнем вдохновения выступают рисунки, начертанные симпатическими чернилами: таинственное становится очевидным, смутное делается ясным, сложное – простым, случайное – необходимым. Одним словом, искусство раскрывает природу, выражая ее намерения и формулируя ее желания. Всякий идеал есть разгадка длинной загадки. Великий художник всегда упрощает.

Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери – его страсти

Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери – его страсти. Вырвать им клыки и когти, зануздать их, приручить, сделать из них домашних животных, слуг, хотя бы и рычащих, но все-таки покорных, – в этом личное воспитание.

Наивная первобытная радость так благодетельна

18 мая 1862 г. Вернувшись час тому назад, я пел в своей уединенной комнате всевозможный песни. Откуда взялась во мне эта веселость? От проведенных здоровых нескольких часов после обеда в благодушном обществе и от совокупности приятных впечатлений. Я любил всех вокруг себя, и моя симпатия возвращалась на меня же в виде любви. Я всех развеселил: и наших друзей, и родителей, и детей, и гостей. Я смеялся, играл, шалил. Я вернулся к детской простоте, к наивной и первобытной радости, которая так благодетельна. Я чувствовал непреодолимое и всепобеждающее влияние доброты. Она умножает жизнь, как роса умножает цветы. Я чувствую в себе сокровища нежности и самоотвержение для времени, когда жизнь вдвоем и обязанности отца требуют их. У меня нет никакого мирского честолюбия; семейная жизнь и жизнь умственная только одни улыбаются мне.

Любить и мыслить – вот две мои неразрушимые потребности

Любить и мыслить – вот две мои неразрушимые потребности. При тонком, поворотливом, сложном и хамелеонистом уме у меня сердце ребенка; я люблю только совершенство или шутку – две крайности. Истин-

ные художники, истинные философы, истинно религиозные люди уживаются только с простотою маленьких детей или величию высших произведений духа, то есть с чистой природой или с чистым идеалом. И я в своей бедности чувствую тоже. Всё среднее кажется мне ничтожным, надо прилаживаться и к нему, но люблю я другое. Полунаука, полуталант, полуделикатность, полуизящество, полудостоинство – таков свет. И воспользоваться этим светом можно только тем, чтобы сделать из него себе школу терпения и кротости. Но для доброты у меня нет ни критики, ни сопротивления, ни сдержанности; я прощаю ей всё, потому что она важнее всего. Я жажду и алчу простой доброты, потому что насмешка, подозрение, недоброжелательство, зависть, горечь, дерзкие суждения, ядовитая злоба начинают занимать теперь всё большее и большее место и в обществе воюют почти все против всех, а в частной жизни производят бесплодность пустыни.

Рассудительнее всего в человеке то, что он рассуждает

9 августа 1862 г. Жизнь, которая хочет утверждать саму себя в нас, стремится восстанавливать самое себя независимо от нас, она сама поправляет свои прорехи, чинит свои паутины, когда они прорываются; восстанавливает условия нашего благосостояния; вновь ткёт повязку на наши глаза, возвращает нашим сердцам надежду, вновь вливает здоровье в наши органы; вновь золотит химеру в наших воображениях. Без этого опыт жизни износил, изнурил и иссушил бы нас безвозвратно много раньше срока, и отрок был бы старше столетнего старца. Самая мудрая часть нашего существа не есть ли та, которая не знает самое себя? И рассудительнее всего в человеке это то, что не рассуждает; инстинкт, природа, духовная и безличная деятельность излечивают нас от наших личных сумасшествий; невидимый гений нашей жизни неустанно поставляет материал расточительности нашего я. Главную и материнскую основу нашей сознательной жизни составляет наша бессознательная жизнь, которую мы так же мало видим, как наружное полушарие Луны видит Земля, несмотря на то что оно неразрывно и вечно связано с ней. Это наше ἀντίχθων, как говорит Пифагор.

Вредны, заразительны и нездоровы проявления равнодушия и бесчувственности

7 ноября 1862 г. До какой степени вредны, заразительны и нездоровы: постоянная улыбка равнодушной критики, эта бесчувственная насмешка, которая разъедает, пересмеивает и разрушает всё, которая разочаровывается во всякой личной обязанности, во всякой брэн-

Критицизм
уничтожает
нравственную
энергию

ной привязанности и которая дорожит только пониманием, а не действием!

Критицизм, ставший привычкой, типом и системой, становится уничтожением нравственной энергии, веры и всякой силы. Одна из моих склонностей влечет меня к этому, но я отстаю перед последствиями, когда встречаю еще более чистый тип такого критика, чем я сам. По крайней мере, я не могу упрекнуть себя в том, что когда-либо пробовал уничтожить нравственную силу в других. Мое уважение к жизни запрещало мне это, и мое недоверие к самому себе избавляло меня от этого соблазна.

Этот род ума очень опасен в нас, потому что он поощряет все дурные инстинкты: распущенность, неуважение, эгоистический индивидуализм и приводит к социальному атомизму*.

Не презирай своего
положения – ты
должен страдать и
победить

Не презирай своего положения: в нем ты должен действовать, страдать и победить. На всякой точке земли мы одинаково близки к небу и к бесконечному.

Вне элемента, общего всем людям, есть элемент, разделяющий их. Этот элемент может быть религией, родиной, языком, воспитанием. Но если предположить, что и это всё общее, то остается еще что-то, служащее разграничением, и это – идеал. Иметь или не иметь идеала, иметь такой или иной идеал – вот что прорывает пропасть между людьми, даже между теми, которые живут в одном кругу, под одной крышей или в одной комнате. Надо любить одной любовью, думать одной мыслью, чтобы избежать одиночества.

Надо не доверять
своему инстинкту
вмешательства

Обоюдное уважение включает скромность и сдержанность в самой нежности, заботу соблюсти наибольшую часть свободы тех людей, жизнь которых разделяешь. Надо не доверять своему инстинкту вмешательства, потому что желание преобладания своей воли часто скрывается под видом заботливости.

* *Атомизм* (греч. atomos – неделимый) – материалистическое учение о природе, возникшее около VI в. до н. э. в Древней Греции и связанное с именами Левкиппа и Демокрита, позднее получившее развитие в трудах римского философа-материалиста Лукреция. Согласно этому учению, материя состоит из неизменных мельчайших движущихся частиц – атомов. Современный атомизм дает представление о *дискретности* (лат. discretus) – прерывности и раздельности частей.

Самый живой,
веселый и умный
народ всегда
понимал
благородное самым
чопорным образом

13 января 1863 г. Обыкновенно слово служит для объяснения действия. Во французской же трагедии действие есть только приличный предлог для того, чтобы говорить; это прием, употребляемый для того, чтобы извлечь самые красивые речи из уст людей, участвующих в этом действии и созерцающих его в его различные моменты и фазы. Любовь и природа, долг и склонности и десятки других нравственных антитез суть члены, движимые ниткой драматурга и рисующие все трагические положения. Что действительно любопытно и забавно, это то, что самый живой, веселый и умный народ всегда понимал благородное самым чопорным и напыщенным образом. Но это неизбежно.

Возрождать
преступных
прощением

8 апреля 1863 г. Вновь перелистал 3800 страниц “*Misérables*”, отыскивая единство этого большого сочинения. Основная мысль следующая. Общество порождает печальные и ужасные бедствия (проституцию, бродяжничество, класс людей без определенного положения, злодеев, воров, каторжников, войну, революционные собрания и баррикады). Оно должно сказать себе это и не относиться ко всем тем, кто нарушает закон, как к простым уродам. Очеловечить закон и общественное мнение, поднять падших так же, как и побежденных, образовать социальное искупление – вот задача. Но как? Уничтожить порок, разливая свет, возрождать преступных прощением – вот средство. В сущности, распространение милосердия от грешника до приговоренного, применение уже в этой жизни того, что церковь более охотно применяет к будущей, не есть ли это охристианение общества. Возвратить к порядку и добру неустанной любовью, вместо того чтобы задавить непреклонной карой и суровой справедливостью – таково направление книги.

Представляется, что
личность всегда не
виновата, а виновато
всегда общество

Оно благородно и высоко. Но оно немного оптимистично и напоминает Руссо. Представляется, что личность всегда не виновата, а виновато всегда общество. В сущности, идеал (для XX века) есть демократический, золотой век, всемирная республика, в которой война, смертная казнь и пауперизм исчезнут; это религия и царство прогресса; одним словом, это утопия XVIII века, взятая в большем виде. Много великодушия и немало химеры. И химера состоит в слишком внешнем понимании зла. Автор хочет не знать и делает вид, что забыл инстинкт извращенности, любовь к злу для зла, которые содержит в себе человеческое сердце. Великая и спасительная идея этого произведения в том, что законная честность есть кровожадное лицемерие, как только она собирается делить общество на избранных и отвер-

женных и смешивает относительное с абсолютным. Капитальное место – это то, где соскочивший с рельсов Жавер опрокидывает всю нравственную систему строгого, неподкупного Жавера, этого шпиона, священника, этого прямолинейного полицейского. Эта глава показывает нам общественное милосердие, просвечивающее сквозь точную и бесчеловечную справедливость, уничтожение общественного ада, то есть непоправимых заклеиваний, бессрочных и неизлечимых прегрешений, – эта идея истинно религиозная.

Виктор Гюго рисует серной кислотой и освещает электричеством

Виктор Гюго рисует серной кислотой и освещает электричеством; он скорее оглушает, ослепляет и закруживает своего читателя, чем очаровывает или убеждает его. Сила в такой степени есть околдование; не покоряя, она пленяет; не очаровывая – она околдовывает. Его идеал – необыкновенное, гигантское, опрокидывающее, несоизмеримое; его характерные выражения это: *огромное, колоссальное, громадное, великанское, чудовищное*. Он ухитряется даже преувеличивать детское и наивное; единственное, что кажется недоступным ему, – это естественное. Одним словом, его страсть – величие; его ошибка – излишество; его отличительная черта – это титаническое со странным диссонансом ребячества в великолепии; его слабая сторона – это чувство меры, вкус, чувство смешного и ум в тонком смысле этого слова. Виктор Гюго – офранцуженный испанец или, вернее, – в нем все крайности юга и севера, скандинава и африканца; но он менее всего имеет свойства галла. И по странной случайности он один из литературных гениев Франции XIX века! Его средства неисчерпаемы, и годы, кажется, на него не влияют.

Я предпочитаю гения, который дает чувство правды и увеличивает внутреннюю свободу

Какое бесконечное количество слов, мыслей, форм он волочит с собой и какие горы произведений, отмечающих его путь, он оставляет за собой. Это точно извержение вулкана, и этот баснословный работник продолжает поднимать, расшатывать, месить и строить свой особенный мир, мир скорее индусский, чем эллинский.

Он поражает меня. Но все-таки я предпочитаю гения, который дает чувство правды и увеличивает внутреннюю свободу. У Гюго чувствуется циклон и усилие; но опять-таки я предпочитаю звучный лук Аполлона и спокойное чело Юпитера Олимпийского.

Неуловимое ощущение счастья

2 сентября 1863 г. Как назвать то неуловимое ощущение, которое преследовало меня сегодня утром в полумраке пробуждения? Это было прелестное, но смут-

ное воспоминание, без имени, без очертаний, как образ женщины, смутно представляющийся глазам больного в темноте его комнаты и в неопределенности бреда. У меня было ясное чувство, что это было симпатичное лицо, которое я где-то встречал и которое когда-то взволновало меня, а потом было забыто мной. Но всё остальное было смутно: и место, и время и сама личность, потому что я не видел ни лица, ни выражения. Всё вместе было как летающий вуаль, под которым скрывалась загадка счастья. И я был достаточно пробужден, чтобы быть уверенным, что это не был сон.

Смысл воспоминаний – неопределенное впечатление

Так вот последние следы вещей, которые утопают в нас, последние следы умирающих воспоминаний. Неуловимый, блуждающий огонек, освещающий неопределенное впечатление, про которое мы не знаем; страдание ли это или радость; свет над могилой? Как это странно!.. Дело в том, что я не мог заставить это привидение сказать мне свое имя, не мог заставить это воспоминание усвоить прежнюю ясность...

Молитва – существенное орудие религии

25 ноября 1863 г. Молитва есть существенное орудие религии. Тот, кто не может молиться, потому что сомневается в бытии Того, к Кому восходят молитвы и от Кого нисходят благословения, – тот жестоко одинок и необычайно беден. Ну а ты, что ты думаешь об этом? В эту минуту мне трудно было бы сказать это. Все твои положительные верования направлены к изучению и подлежат изменениям. Истина прежде всего, даже тогда, когда она расстраивает. Верю же я в то, что самое высокое понятие, которое мы можем себе составить в начале вещей, будет и самое истинное, и что самая истинная истина будет та, которая сделает человека наиболее гармонически добрым, наиболее мудрым, великим и счастливым. Мой символ веры в переделке. Но все же я верю в Бога и в бессмертие души. Я верю в святость, правду, в красоту; я верю в искупление души через веру в прощение. Я верю в любовь, в самоотвержение, в честь. Я верю в долг и в нравственную совесть. Я верю даже в молитву. Я верю в основное духовное сознание человеческого рода и верю в великие утверждения вдохновенных людей всех времен. Я верю, что наша высшая природа – есть и наша настоящая.

Так давно уже я не смотрел с точки зрения своей метафизики

Может ли из этого выйти теология и теодицея. Вероятно да, но в настоящую минуту я не ясно вижу это. Так давно уже я не смотрел с точки зрения своей метафизики и живу чужой мыслью. Я начинаю даже спрашивать

себя, необходима ли кристаллизация моих догматов. Да, для того, чтоб проповедовать и действовать, но менее для того, чтоб наблюдать, созерцать и учиться.

Сделать из своей жизни движение к идеалу...

4 декабря 1863 г. Видеть все вещи в Боге, сделать из своей жизни движение к идеалу, жить благодарностью, сосредоточением, кротостью и мужеством – в этом удивительная точка зрения Марка Аврелия. Прибавить к этому коленопреклоненное смирение и жертвующее собой милосердие, и это будет мудрость детей божьих. В этом бессмертная радость истинных христиан. Какое плохое христианство то, которое злословит мудрость и обходится без нее. В таком случае я предпочитаю мудрость, которая оправдывает Бога, даже в этой жизни. Признак фальшивой религиозной мысли – это откладывать жизнь и различать святого человека от добродетельного. Эта ошибка отчасти была ошибкой средних веков и, может быть, католицизма в его сущности. Но истинное христианство должно быть освобождено от этой пагубной ошибки.

Вечная жизнь – это жизнь в Боге

Вечная жизнь не есть будущая жизнь; это жизнь в порядке, жизнь в Боге, и надо приучаться смотреть на время, как на движение вечности, как на колебания океана Бытия. Жить, поддерживая совесть *sub specie aeterni*, это значит быть мудрым; жить, осуществляя вечное, – это значит быть религиозным.

Национальность – соглашение, государственность – насилие

Если национальность – соглашение, то государственность – это насилие.

Свобода, равенство – нехороший принцип! Истинно человеческий принцип – это справедливость, а справедливость относительно слабого – это покровительство и доброта.

(Продолжение следует)

